

На правах рукописи

БУЧИЛИНА Юлия Николаевна

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ» И ИХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.**

**Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(немецкая)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Нижний Новгород – 2009

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Шарыпина Татьяна Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Якушева Галина Викторовна

кандидат филологических наук, доцент

Казакова Ирина Борисовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет»

Защита состоится «__» _____ 2009 г. в ___ ч. ___ мин. на заседании
диссертационного совета ДМ 212.166.02 при Нижегородском государственном
университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603000, г. Нижний Новгород,
ул. Покровская, д. 37, комн. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
(603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, корп.1).

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Юхнова И.С.

Общая характеристика диссертации

«Песнь о Нибелунгах» (Das Nibelungenlied, ок. 1200 г.) — одно из знаковых произведений Зрелого Средневековья, без упоминания о котором невозможно выстроить целостную картину развития литературного процесса данного периода. В «Песни о Нибелунгах» неразрывно сплелись элементы древнейших германских сказаний, мифа и сказки с чертами рыцарского романа, отражающего процесс развития и становления сеньериально-вассальных отношений, куртуазной этики и христианской культуры. Такая многослойность построения «Песни о Нибелунгах» дает большие возможности для исследования данного произведения и связанного с ним круга проблем.

В немецком литературоведении «Песнь о Нибелунгах» является объектом тщательного и всестороннего изучения. С момента первой (частичной) публикации этого произведения в 1757 г. швейцарским филологом И.Я. Бодмером, им стали активно интересоваться романтики (Л. Тик, братья Шлегели, Л. Уланд и др.). Они не только художественно перерабатывали тему Нибелунгов, но и пытались осмыслить ее значение в национальном и мировом искусстве (монография В. Гимма «Немецкие героические сказания»(1829 г.)).

Ф.Г. фон дер Хаген¹ и К. Лахман положили начало системному научному подходу в изучении «Песни о Нибелунгах». Хотя гипотеза К. Лахмана была признана несостоятельной, вопрос об истории создания памятника и его авторе стал одним из ведущих в немецкой филологии. Ему посвящены исследования В. Брауне² и А. Хойслера³. Их результаты и по настоящий день являются научно значимыми в немецком «нибелунговедении», хотя их и пытаются пересматривать.

Кроме вышеозначенных проблем, ученых интересовали и другие аспекты изучения «Песни о Нибелунгах». Их разрабатывали такие исследователи, как

¹ Hagen, Friedrich Heinrich von der : Der Nibelungen Lied in der Ursprache mit den Lesearten der verschiedenen Handschriften. - Berlin: [s.n.], 1810.

² Braune, W. Die Handschriftenverhältnisse des Nibelungenliedes (1900).

³ Heusler, A. Nibelungensage und Nibelungenlied. Die Stoffgeschichte des deutschen Heldenepos. 1929.

Л. Эттмюллер⁴, А. фон Шпаун⁵, Г. Бета⁶, Г. фон Вольцоген⁷, А Хольцман и М. А. Ниендорф.

В XX в. интерес к «Песни о Нибелунгах» возрастает с новой силой (труды Д. Кралика (1941), Ф. Панцера (1945)), особенно в послевоенные годы. Научные трактаты и статьи этого периода составляют такое множество, что назовём лишь наиболее значимые для изучения заявленной темы. Это исследования Ф. Генцмера, Б. Нагеля, Й. Бумке, О. Эрисмана, П. Гёлера, Й. Хайнцле, Я.-Д. Мюллера, С. Б. Заттель, статьи З. Бейшлага, У. Шваб, В. Хоффмана, Й. Сцёвэрффи и других.

Большое влияние на развитие науки о Нибелунгах оказали многочисленные переводы «Песни» на современный немецкий язык, переводы отдельных рукописей (А, В и С), а также адаптированные прозаические переводы, выполненные К. Зимроком, Г. де Боором, Г. Бракертом и К. Братчем. Им в немецком литературоведении также посвящаются отдельные исследования, так как они сделали «Песнь о Нибелунгах» более доступной не только для научных, но и для широких читательских кругов.

Последние исследования в области «нибелунговедения» (монография Я.-Д. Мюллера «Песнь о Нибелунгах», статьи В. Хоффмана, Й. Сцёвэрффи) посвящены обобщению всех существующих концепций и трактовок сюжета, а также исторической составляющей «Песни о Нибелунгах», всестороннему освещению различных пластов произведения, а также применению новых методов и способов толкования средневекового текста. Интересным аспектом является изучение рецепции «Песни о Нибелунгах» в различных видах искусства⁸. Таким образом, немецкие исследователи «Песни о Нибелунгах» ищут новые пути анализа не только поэтики, но и глубинного уровня содержания этого произведения.

⁴ Выполнил аллитерационный перевод Песен «Эдды» на немецкий язык, причем издание называлось «Песни «Эдды о Нибелунгах»./ Ettmüller, Ludwig. Die Lieder der Edda von den Nibelungen (1837).

⁵ Spaum, A. von. Heinrich von Ofterdingen und das Nibelungenlied – Ein Versuch, den Dichter und das Werk für Österreich zu vindizieren (1840).

⁶ Beta, H. Das Nibelungenlied als Volksbuch. In neuer Verdeutschung (1840).

⁷ Hans von Wolzogen. Der Nibelungenmythos in Sage und Literatur (1876).

⁸ Heinzle, J, Waldschmidt, A. Die Nibelungen. Ein deutscher Wahn, ein deutscher Alptraum. Studien und Dokumente zur Rezeption des Nibelungenstoffs im 19. und 20. Jahrhundert. Shurkampf, 1991.

В России история изучения этого памятника складывалась довольно непросто. Первый перевод «Песни о Нибелунгах» на русский язык был сделан в 1889 г. М.И. Кудряшевым. Полноценное издание художественного перевода (его осуществил Ю.Корнеев) с комментариями и вступительной статьей В.Г. Адмони вышло в свет в 1972 г. в серии «Литературные памятники»⁹.

«Песнь о Нибелунгах» прочно вошла в научный оборот отечественной германистики. К ней под разными ракурсами обращались В.М. Жирмунский¹⁰, Е.М. Мелетинский¹¹, А.Я. Гуревич¹², М.И. Стеблин-Каменский¹³, В.Г. Адмони¹⁴ и другие. Однако произведение редко рассматривалось само по себе, чаще всего в контексте исследования древнегерманской литературы. «Песнь о Нибелунгах» упоминается в основном как источник при исследовании других произведений (например, тетралогии Р. Вагнера, трагедии Ф. Геббеля). До сих пор при всей популярности данного произведения, в отечественном литературоведении не было работ, посвященных изучению мифологической (архетипической) сюжетной основы сказания о Нибелунгах в самой «Песни о Нибелунгах» и проявлению ее в других произведениях, как архаических, так и более поздних. Следует отметить возрастающий интерес ученых-лингвистов к тексту «Песни о Нибелунгах». За последнее десятилетие были защищены две кандидатские диссертации: «Директивные речевые акты в средневерхненемецком языке: на материале «Песни о Нибелунгах», «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристана» Готфрида Страсбургского» (Солдатов А.В., 2004) и «Концептосфера «человек/личность»

⁹ Затем в 1975 г. данный текст был издан под эгидой проекта «Библиотека всемирной литературы» вместе с близкими по сюжету произведениями раннего средневекового героического эпоса «Беовульф» и «Старшей Эддой» с вступительной статьей и комментариями А.Я. Гуревича. Последующие переиздания уже в XXI веке не отличались какими-либо концептуальными изменениями.

¹⁰ Жирмунский, В.М. Народный героический эпос. /В.М. Жирмунский. - М.-Л.: Гослитиздат, 1962.

Жирмунский, В.М. Вступит.статья в кн.: Хойслер, А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. /Пер. с нем. Д.Е. Бертельса./ Под ред. В.М. Жирмунского. /А. Хойслер. - М.: Иностран.лит., 1960.

¹¹ Мелетинский, Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса». /Е.М. Мелетинский. - М.: Наука, 1968.

¹² Гуревич, А.Я. «Пространственно-временной континуум в «Песни о Нибелунгах», в сборнике «Традиция в истории культуры» /А.Я. Гуревич. - М.: Наука, 1978.

Гуревич, А.Я. «Эдда» и сага. /А.Я. Гуревич. - М.: Наука, 1979.

¹³ Стеблин-Каменский, М.И. Мир саги. /М.И. Стеблин-Каменский. - Л.: Наука, 1984.

¹⁴ Адмони, В.Г. «Песнь о Нибелунгах» - ее истоки и ее художественная структура. В кн.: Песнь о Нибелунгах. - Л.: Наука, 1972.

в художественном тексте средневекового периода: на материале «Песни о Нибелунгах» (Русяева М.М., 2007).

Близкими к исследуемой проблематике «Песни о Нибелунгах» являются диссертации М.К. Меньшиковой «Поэтика трагедии Фридриха Геббеля «Нибелунги» (специфика конфликта и система образов)» (2006) и И.С. Григорьевой «Специфика ранней драматургии и новеллистики Ф. де ла Мотт Фуке (мировоззрение и поэтика)» (1998), а также статья Т.В. Топоровой «Сказание о Нибелунгах в свете германской космогонии» (2000).

Таким образом, многочисленные исследования этого литературного памятника отражают взгляд на него с различных позиций и методик. Но целостного толкования и понимания «Песни» как законченного самостоятельного средневекового произведения до сих пор нет ни в зарубежном, ни в российском литературоведении.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения «Песни о Нибелунгах» с точки зрения современных методик и теорий. Актуальность исследования связана также с тем, что в настоящее время в отечественном и зарубежном литературоведении по-прежнему не стихает интерес к проблемам мифотворчества и мифопоэтики в различных ее аспектах. Корни этой проблемы уходят в Античность и Средние века, изучение которых с точки зрения новых методик (мотивного анализа, теории архетипов) позволяет проследить сам процесс актуализации мифологического материала, используемого в литературе Нового и Новейшего времени, в частности, в художественной практике немецкой литературы XIX в.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка анализа сюжета «Песни о Нибелунгах» с точки зрения теории архетипов, ранее с таких позиций не рассматривавшегося. Между тем, наличие в сюжете «Песни о Нибелунгах» универсальных схем человеческого самопознания и миропостижения не подлежит сомнению. Эти первосхемы и первообразы обладают вневременной идейной ценностью и таким идейным потенциалом, который позволяет художникам и писателям обращаться к ним на протяжении последующих эпох. Предпринимаемое

исследование позволяет выявить в переосмысленных литературных образах «Песни о Нибелунгах» архетипические черты, которые остаются привлекательными для писателей и сегодня, поскольку являются общезначимыми, устойчивыми и востребованными в современной литературе.

Исследование «Песни о Нибелунгах» проводится в сопоставлении с другими, типологически родственными памятниками («Старшая Эдда», «Сага о Вёлсунгах») с целью выявления универсальных мифологических архетипов. В диссертации также прослеживается их трансформация и переосмысление в последующей художественной традиции в связи с запросами и задачами новой культурно-исторической эпохи.

Объектом исследования является немецкий героический эпос «Песнь о Нибелунгах» и интерпретации сюжета о Нибелунгах в немецкой литературе XIX в. (трилогия «Герой Севера» Ф. де ла Мотт Фуке, трагедия «Нибелунги» Ф. Геббеля, литературный текст тетралогии «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера). **Предметом** изучения являются мифологические архетипы в поэтике немецкого героического эпоса «Песнь о Нибелунгах» и его последующих литературных интерпретациях.

Цель работы состоит в анализе сюжетных архетипов в «Песни о Нибелунгах» и изучении их функционирования в литературных произведениях последующих эпох.

В связи с этим ставятся следующие **задачи**:

- 1) проанализировать существующие теории архетипов и определить возможность их использования применительно к художественной литературе, проследить, как они коррелируют с существующими теориями мотива и сюжета в отечественной и зарубежной филологии;
- 2) выявить мифологическую основу «Песни о Нибелунгах»;
- 3) доказать первичность мифа как исходного материала для данного произведения;
- 4) рассмотреть мифологические архетипы в тексте «Песни о Нибелунгах»;
- 5) исследовать найденные архетипы на материале самых известных интерпретаций сюжета о Нибелунгах в немецкой литературе XIX в. (трилогии

«Герой Севера» Ф. де ла Мотт Фуке, трагедии «Нибелунги» Ф. Геббеля, литературном тексте тетралогии «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера);

б) в качестве дополнения проанализировать функционирование архетипических образов «Песни о Нибелунгах» в киноискусстве XX в.

Поскольку теоретическая часть диссертации, кроме рассмотрения теории архетипов, посвящена сложному и многоаспектному понятию мотива, **методологической базой** исследования служат труды о мотиве и сюжете отечественных ученых (А.Н. Веселовского, О.М. Фрейденберг, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, Б.М. Гаспарова, Б.И. Ярхо, И.В. Силантьева, Б.В. Томашевского, В.Б. Шкловского, ученых-фольклористов С.Ю. Неклюдова, Б.Н. Путилова) и зарубежных исследователей (Э. Френцель, К. Леви-Стросса, А. Дандеса, П. Маранды, Э. Кёнгас-Маранды), психоаналитические концепции К.Г. Юнга, Дж. Кэмпбелла, К.П. Эстес, теория литературных архетипов Е.М. Мелетинского. В целях наиболее полного рассмотрения мифологической природы «Песни» были использованы работы братьев Я. и В. Гримм, Л. Уланда, А. Хойслера, С.М. Боуры, Ф. и Т. Дан, Х. Мозера, В. Гольтера, М.И. Стеблин-Каменского, А.Ф. Лосева, М. Элиаде, В.М. Жирмунского и других. В работе применены историко-литературный, сравнительно-типологический и психоаналитический (с точки зрения теории архетипов) методы исследования.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Понятие архетипа находится в тесной связи с понятием мотива как «образа в действии» (Б.И. Ярхо), «формы для выражения изменяющегося содержания» (А.Н. Веселовский), «сочетания идеи и внешнего воплощения этой идеи», «глубинного уровня мотива» (С.Ю. Неклюдов), «инварианта», «замысла, осуществленного в парадигме» (Б.Н. Путилов), что позволяет выделить новый тип мотива, а именно мотив архетипический, являющийся составной частью архетипического сюжета;

2. «Песнь о Нибелунгах», несмотря на явную историческую принадлежность к эпохе Средневековья, обнаруживает четкую мифологическую основу, базирующуюся на «мономифе», который в общих чертах повторяет миф

творения, и эсхатологическом мифе, то есть мифе творения, вывернутом «наизнанку», которые вместе составляют единый космогонический цикл;

3. Ключевые образы данного произведения воплощают собой архетип героя, имеющего божественную или демоническую природу (Зигфрид и Хаген), символизирующую единство противоположных начал (культурный герой и его «тьень»), такую же бинарную оппозицию составляют женские персонажи, представляющие, с одной стороны, природное (Брюнхильд/а) и цивилизованное (Кримхильда/Гудрун) начало, а с другой, архетип героини-мстительницы;

4. В основе интерпретаций сюжета в произведениях Ф. де ла Мотт Фуке, Р. Вагнера, Ф. Геббеля, во-первых, находится образ Зигфрида, его удивительные подвиги, подтверждающие внутреннее нравственное превосходство его над остальными героями, его любовь и трагическая гибель, которые завораживали писателей и драматургов последующих эпох. Во-вторых, во всех рассматриваемых произведениях актуализируется сюжетная линия скандинавских песен «Старшей Эдды» и «Саги о Вёлсунгах», рассказывающих о любви Сигурда и Брюнхильд, и используется потенциал разрушения имплицитно присутствующего в «Песни о Нибелунгах» эсхатологического мифа, а также мотив проклятого золота;

5. Благодаря своей архетипической природе персонажи «Старшей Эдды» и «Песни о Нибелунгах» позиционируются как исключительные личности ушедшего прошлого (Г. Ибсен, Ф. Геббель, Р. Вагнер), в киноискусстве они интерпретируются с точки зрения теории «сверхчеловека» Ф. Ницше (Теа фон Гарбоу).

Теоретическая значимость работы связана с тем, что ее результаты вносят определенный вклад в изучение поэтики средневековой словесности, в частности, художественной структуры немецкого героического эпоса и могут быть в дальнейшем полезны не только исследователям «Песни о Нибелунгах», но и при анализе других аналогичных памятников западноевропейского Средневековья. В теоретической части работы вводится понятие «архетипического сюжета», объясняющего устойчивость какой-либо сюжетной структуры, ее повторяемость в новых произведениях искусства последующего

времени. С «архетипическим сюжетом» связаны понятия «архетипического мотива» и «архетипического образа», функционирующие как термины научного литературоведческого анализа. Опираясь на них, становится возможным установить более четко и логично архетипическую структуру (основу) литературного произведения.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы в лекционных курсах по истории зарубежной литературы Средневековья и немецкой литературы XIX-XX веков, спецкурсах, посвященных германскому героическому эпосу, а также функционированию мифологических архетипов.

Апробация общей концепции работы, а также отдельных ее аспектов состоялась на конференциях и семинарах различного уровня, в частности на XI Нижегородской сессии молодых ученых (Н.Новгород, 2006); XIX и XXI Всероссийских Пуришевских чтениях (Москва 2007, 2009); V и VI Поволжском научно-методическом семинаре по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла (Н.Новгород, 2007, 2009); на Международной научной конференции Российского общества преподавателей русского языка и литературы «Русская словесность в контексте мировой культуры» (Нижний Новгород, 2008), на Международной научной конференции «Мир романтизма», (Тверь, 2008).

Структура исследования определяется поставленными задачами и исследуемым материалом. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, состоящей из 245 работ, в том числе 62 из них на иностранных языках, и двух приложений.

Основное содержание работы

Во Введении предпринят краткий обзор истории вопроса, который позволил обосновать актуальность поставленной научной проблемы, определить научную новизну, установить цель исследования и задачи, обозначить теоретико-методологическую базу, охарактеризовать методы исследования, его практическую значимость, принцип отбора материала, положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Понятие «архетипа», «архетипического» мотива и образа в литературоведении» посвящена изучению соотношения и взаимосвязи теории архетипов с самыми известными теориями мотива и сюжета в отечественном и зарубежном литературоведении. **В параграфе 1.1 «К вопросу о сюжете и мотиве как структурообразующих элементах в творчестве»** дан анализ существующих теорий сюжета и мотива, который показал, что в их трактовке ученые-литературоведы были очень близки к понятию архетипа. В их трудах неоднократно повторяется тезис о бесконечном повторении и варьировании в литературных произведениях одних и тех же образов и мотивов, «отвечающих на вековечные запросы мысли, не иссякающие в обороте человеческой истории» (А.Н. Веселовский). Возникновение их исследователи связывали с мифом (О.М. Фрейденберг), что обусловило всемирный характер распространения этих мотивов (Э. Френцель), так как мифологическое освоение окружающего мира было первичным для всех народов. В целом исследование мотивов получило два основных направления: семантическое и структурно-формалистическое. Приверженцы первого пытались обнаружить в литературе основные виды мотивов, как, например, мотив проклятого золота или мотив побратимства (Э. Френцель). Другие пытались рассмотреть мотив как структуру, как формулу, в которой варьируются лишь определенные элементы, количество которых ограничено (А.Н.Веселовский, В.Я.Пропп, К.Леви-Стросс, А.Дандес и другие). Однако затем (В 80-Х гг. XX в.) мотив уже стали определять как «образ в действии» (Б.И. Ярхо) и находить у него поверхностный и глубинный уровень (С.Ю. Неклюдов). Последние две трактовки наиболее близки к понятию архетипа как формы, которая наполняется каждый раз новым содержанием при своей конкретной реализации в произведении словесного творчества.

В параграфе 1.2 «Понятие «архетипа». Представление об архетипическом сюжете и мотиве» дан критический обзор важнейших теорий архетипов и проведена связь между «архетипом» как литературоведческим термином и понятиями «мотива» и «сюжета». Такими важнейшими теориями, посвященными архетипу, являются, безусловно, концепция К.Г. Юнга,

исследования Дж. Кэмпбелла, а также разработки Е.М. Мелетинского. Первые два ученых проецировали свои наблюдения на область мифа и литературы, что приводило к неожиданным открытиям и замечательным по своей глубине трактовкам, однако они в равной степени недооценивали литературную, художественную, общественную составляющую исследуемого материала.

Е.М. Мелетинский был одним из первых отечественных литературоведов, кто тонко почувствовал эту специфику и обосновал применение понятия «архетип» в литературе как инструмента научного анализа. Подвергнув критике концепцию К.Г. Юнга за исключительную концентрацию на процессе индивидуации при рассмотрении литературного материала, ученый выдвинул тезис о том, что важнейшим в архетипе для человека является его связь с окружающим миром и социумом, поэтому главными мотивами и образами должны быть архетип творения, борьба космоса и хаоса, культурный герой и его антагонисты как символы этой борьбы, а также более частные мотивы и образы, устойчиво повторяющиеся в мифе, сказке и героическом эпосе, в чем-то соотносимые с функциями В.Я. Проппа.

Однако при всей универсальности, теория Е.М. Мелетинского все же не является единственной, применимой к литературному материалу. В равной степени интересной и продуктивной представляется также концепция «мономифа» Дж. Кэмпбелла, основанная на богатейшем фактическом материале, и система архетипов-образов самого К.Г. Юнга. Однако Е.М. Мелетинский обосновал направление, в котором должен идти научный анализ произведения с точки зрения этой теории, а также методики, на которые должны опираться литературоведы в своем исследовании.

Использование только одной из этих концепций неизбежно приводит к одностороннему рассмотрению литературного материала, так как сам термин «архетип» не сводим к общему стандарту, он должен восприниматься и использоваться на стыке наук, относящихся к разным областям человеческого духа. Безусловно, его интерпретация как литературоведческого понятия необходима. В связи с этим в парадигме теорий о мотиве и сюжете можно выделять теорию мотива архетипического, базирующуюся на трудах

Е.М. Мелетинского. В конце параграфа нами выделяются как самостоятельные термины для анализа архетипической основы произведения «архетипический мотив», «сюжетный архетип» и «архетипический сюжет». «Сюжетный архетип» является в известном смысле родовым понятием, включающим в себя «архетипический мотив» (например, инициация, инцест) и «архетипический образ» (Тень, Мудрая Старуха, культурный герой, хтонический антагонист, «богиня»). «Архетипический сюжет» представляет собой определенную совокупность, последовательность архетипических мотивов и образов, сложившихся на каком-то историческом этапе в единое целое и устойчиво повторяющихся в этой последовательности бесконечное количество раз (сюжет о трагической любви Сигурда (Зигфрида) и Брюнхильд(ы), месть Кримхильды своим братьям и т.д.).

Вторая глава «Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» посвящена изучению мифологической основы памятника, а также выявлению сюжетных архетипов в его ткани.

В параграфе 2.1 «Мифологическая основа «Песни о Нибелунгах» выделены архаические образы и мотивы в изучаемом произведении, что становится возможным при сопоставлении сюжета «Песни» с древнескандинавскими источниками («Старшая Эдда», «Сага о Вёлсунгах»), в большей степени сохранивших связь с мифологией.

Анализ «Песни о Нибелунгах» с точки зрения «архетипических мотивов» и «образов» показал, что, во-первых, произведение имеет глубокую мифологическую основу, очень тщательно завуалированную средневековой интерпретацией, которую, однако, можно реконструировать благодаря сохранившимся древнейшим германским и скандинавским песням и сагам. Во-вторых, эта мифологическая основа, воспринимаемая скорее полусознательно, чем сознательно, как элемент вымысла, тем не менее становится сюжетообразующим центром и подчиняет себе поступки героев, обусловленные, казалось бы, вполне логичными мотивами, за которыми в действительности стоят устойчивые архетипические связи. Так, итог сватовства Зигфрида к Брюнхильде, рассматривавшийся исследователями эпоса как

следствие жестоких феодальных нравов, можно трактовать скорее как реликт мифа о молодом умирающем-воскресающем боге, как своеобразное жертвоприношение (параллель с мифом о светлом боге Бальдре), как первое звено в развитии эсхатологического архетипа и в контексте теории «мономифа».

В параграфе 2.2 «Сюжетные архетипы первой части «Песни о Нибелунгах» рассматривается сюжетный блок, связанный с фигурой Зигфрида. Если опираться на теорию «мономифа», то в путешествиях и подвигах нидерландского королевича, которые в тексте даны достаточно сжато и опосредованно (в рассказе третьего лица), можно увидеть, что перед отъездом в Вормс он был в чудесной стране, «крае Нибелунгов», которую, пользуясь разработками немецких исследователей, можно назвать «иномирием». Там герой проходит инициацию (об этом свидетельствует его одиночество и изоляция от социума). То, что путь Зигфрида был отмечен боем у горы, которая является мифологическим символом и ипостасью Мирового дерева, может свидетельствовать о нахождении героя в центре мироздания, а получение клада – об отвоевании блага, которое является целью путешествия. Великаны Нибелунги являются ипостасью хтонических чудовищ, с которыми в мифе должен бороться культурный герой, представленный в образе Зигфрида. Бой с драконом, в результате которого богатырь не получает ничего, кроме неуязвимости (второго клада, как принято считать, на самом деле в «Песни о Нибелунгах» нет, так как нет никаких упоминаний о нем), может трактоваться как бой с прошлым, которое олицетворяет дракон, для того, чтобы вызвать силы будущего. Образ дракона может быть завуалированным указанием на отца, который стремится удержать свои позиции, а, следовательно, и прошлое. В этом случае бой с драконом свидетельствует о смене поколений, что также является архетипическим мотивом. Дракон может встретить героя, как у входа, так и у выхода из «иномирия». И если считать путешествие Зигфрида в чудесной стране погружением в стихию бессознательного с тем, чтобы пройти все этапы индивидуации (выделения личного начала из коллективного бессознательного), то победу над драконом можно считать победой сознания

над бессознательным, дающей особое знание для существования в обычном мире. В конце параграфа также рассматриваются взаимоотношения Зигфрида с Брюнхильдой и Кримхильдой, трактующиеся как «встреча с богиней». Подробно освещены концепции о гибели героя.

В параграфе 2.3 «Архетипическая основа второй части «Песни о Нибелунгах» обосновывается общепринятое разделение «Песни о Нибелунгах» на две части, границей которых является смерть Зигфрида. Это можно объяснить сочетанием двух больших архетипических сюжетных блоков (архетипических сюжетов): «мономифом» о Зигфриде и эсхатологическим архетипом (развитие которого предполагает нарушение обетов или клятв, родственные распри и гибель исключительных героев и вместе с ними их мира перед его возрождением в новом качестве). Все вместе это укладывается в единый космогонический блок, повествующий о смене эпох, включающих в себя время творения и совершения подвигов (таких, как битва с драконом и иными хтоническими чудовищами), а также закат или гибель мира после завершения эпохи творения.

Параграф 2.4 «Архетипические образы в «Песни о Нибелунгах» посвящен сюжетным архетипам, в основу которых положен архетипический образ. Огромное значение, как для этого произведения, так и для последующих его интерпретаций имеют не только сюжетные архетипические блоки, состоящие из архетипических мотивов, но и собственно герои, характер которых с удивительным постоянством воспроизводился все в новых и новых произведениях искусства. Такими персонажами, прежде всего, являются Зигфрид, Хаген, Кримхильда и Брюнхильда.

Зигфрид и Хаген, на наш взгляд, имеют божественную и демоническую природу и составляют бинарную оппозицию культурный герой – его Тень. Образы Кримхильды и Брюнхильды имеют более сложную интерпретацию. Во-первых, они также являются противоположностями и представляют два начала: природное и цивилизованное (подобно Ундине и Бертальде в повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина»). В обеих ипостасях эти героини могут быть соотнесены

с архетипом Первобытной Дикой Женщины, исследовавшемся в работах К.П. Эстэс.

Во-вторых, они реализуют одно из качеств архетипа героя – способность мстить за оскорбление его чести или убийство близкого человека. На основании этого, а также при сопоставлении поведения героинь «Песни о Нибелунгах» с женскими образами «Старшей Эдды» и «Саги о Вёлсунгах», можно говорить о развитии архетипа героя и появлении такой его разновидности, как архетип «героини-мстительницы». Этот образ может оцениваться социумом и культурной средой как отрицательно, так и положительно, в зависимости от того, какую окраску приобретает акт мести: личную или общественную. Если идет речь об оскорблении, о нарушении клятв, общественных норм (как в случае с Брюнхильдой), то наказание не осуждается. Если героиня преследует цель восстановления личного стремления к справедливости, нарушающего при этом родственные связи и общественные понятия, то она не поддерживается.

Важным является также трактовка образа Нибелунгов. Прежде всего, это владельцы (хранители) клада, несметного количества магического золота, так как среди прочего в кладе был волшебный жезл, который давал власть над всем миром. Первоначальные обладатели сокровища – короли-великаны, существа хтонические, погибли при его дележе, следующий владелец – Зигфрид – был предательски убит (по одной из версий, из зависти), и, наконец, последние Нибелунги (бургундские короли и Хаген) были погублены своей сестрой, желавшей не только отомстить за смерть мужа, но и вернуть себе сокровище. Клад здесь – космический объект. В «Песни» он находился в горе, которая по мифологическим параметрам считается разновидностью Мирового древа. Несмотря на то, что мотив проклятия отсутствует в произведении, владение кладом оборачивается гибелью для большинства героев. В «Песни» он выступает как символ могущества и власти. Вероятнее всего, на глубинном уровне мифологема «золото» связана с божественным происхождением, поэтому было столь привлекательным. Возможно также, что оно было связано с

силами хаоса, стремящимися к победе над космосом. В любом случае именно золото, добытое Зигфридом, а не золото вообще, является судьбоносным.

Третья глава «Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» в литературных интерпретациях XIX в.» посвящена рассмотрению самых известных и значимых интерпретаций сюжета о Нибелунгах в Германии указанного периода. Авторы этих интерпретаций, писатели Нового времени, беря за основу старые формы, не столько приближали миф к действительности, сколько через миф пытались решить сложные нравственно-философские вопросы своего времени. При этом опору они находили именно в архетипических мотивах и образах, которые позволяли им посредством давно знакомой формы выразить необходимые для их социокультурной среды идеалы и ценностные ориентиры, по каким-либо причинам не замечаемые или отвергаемые социумом, а точнее большинством людей этого социума.

3.2. «Мифологические архетипы в трилогии Ф. де ла Мотт Фуке «Герой Севера» (Der Held des Nordens). Произведение Ф. де ла Мотт Фуке является самой ранней интерпретацией (1808-1810) среди рассматриваемых в диссертационном исследовании. Драматург, увлеченный древнескандинавской версией сюжета о Нибелунгах, следовал сюжетной структуре «Старшей Эдды», а не «Песни о Нибелунгах». В этом убеждает уже само название частей трилогии, в которых фигурируют имена, соответствующие скандинавским источникам: «Сигурд – убийца дракона» (Sigurd der Schlagentödter, 1808), «Месть (за) Сигурда» (Sigurds Rache, 1809), «Аслауга» (Aslauga, 1810). Аслауга – дочь Сигурда и Брюнхильдур (Брюнхильд). Фуке прочитал «Эдду» в оригинале, что способствовало глубокому восприятию ее содержания. Северные (скандинавские) сказания оказались более подходящими для романтизированного воображения писателя, чем кровавые деяния героев «Песни о Нибелунгах». В фигуре Сигурда-Зигфрида он увидел того идеального персонажа, который выделялся даже на сказочно-эпическом фоне своим благородством и великодушием, качествами, неизменно ценными для Фуке в его героях. Он воспринимает архетипическую сущность древних образов очень глубоко, что дает ему возможность для их

дальнейшего развития. В этом плане самым большим достижением Фуке, отличающим его от писателей, адаптирующих какой-либо древний материал для современного ему читателя, стало создание героического характера. Все произведение проникнуто восхищением перед Сигурдом, о чем говорит многообразие обращений к этому герою: «мой благородный мальчик» (mein edler Knabe, Райген), «сильный юный витязь» (der starke junge Recke, Райген), «мой безупречный герой» (mein tadelsfreier Held, Один), «неугомонное дитя» (ungestümer Knab', Хьйордиса), «мой смелый (дерзкий) сын» (Mein kecker Sohn, Хьйордиса), «героическое дитя, слава Вёлсунгов, хвалебная песнь всех времен, насколько долго и далеко будет звучать немецкая речь» (ein Heldenkind, Preis der Wolsungen, aller Zeiten Loblied, so fern und weit die Deutsche Zunge tönt, Зигмунд), «неистовый ребенок» (wilder Knab', Хьйордиса), «герой, не знающий страха» (der Recke, der nie Furcht gekannt, Брюнхильд). Для Ф. де ла Мотт Фуке Сигурд именно неистовый, дерзкий, свободный в проявлении своих чувств и намерений, независимый от своего окружения, наделенный чистой и светлой душой, герой. В него он вложил свое представление о благородном исключительном романтическом персонаже, образ которого можно, по теории К.Г. Юнга, идентифицировать как архетип Самости – высшую меру проявления чего-либо, идеал, человек, обладающий внутренней гармонией и целостностью. Именно такой герой резко контрастировал с приземленным, расчетливым, зависимым от обстоятельств и людей более высокого положения, разрывающимся между необходимым и желаемым, обывателем. Человек цивилизации утратил свою цельность, олицетворением которой был Сигурд. Кроме архетипа героя, символизирующего Самость, Фуке использовал архетип проклятого сокровища, из-за которого гибнут бургундские короли, а также полностью сохраняет сюжетную линию, связывающую Сигурда и Брюнхильдур (Брюнхильд). Драматург также использует эсхатологический архетип, завершающая часть которого проявляется в финале последней части трилогии «Аслауга», посвященной судьбе дочери Сигурда и Брюнхильд. Претерпев различные злоключения, Аслауга выходит замуж, после чего у нее рождается

сын, названный Сигурдом Шлангенауге¹⁵ (Змеиным Глазом), в котором видят возрождение героического рода. Это возрождение на архетипическом уровне свидетельствует о возрождении мира, чья гибель была ознаменована смертью Сигурда и братьев-бургундов.

Музыкальная тетралогия Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга» оказалась более сложной и архетипически насыщенной. В параграфе 3.2 «Интерпретация германо-скандинавских архетипов в тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга» отмечается, что Р. Вагнер очень серьезно подходил к созданию именно литературного текста своего музыкального творения. Ему важно было выразить свои идеи не только на звуковом, но и на вербальном уровне. Его концепция мифологии, истории, взгляд на современность в тексте тетралогии вылились в некую завершенную философскую систему. Это стало возможным потому, что добавились новые образы и события (предыстория проклятого сокровища, договор между богами и великанами, первое убийство, история любви родителей Зигфрида, погружение в сон валькирии Брюнхильды и т.д.), что вызвало значительное расширение первоначально задуманного замысла. На первый план у Р. Вагнера выступает мотив проклятого сокровища, персонифицируемого в Золоте Рейна, и предсказание гибели богов. Золото, из которого карлик Нибелунг выковывает кольцо, становится символом губительной силы власти и денег. Само кольцо на архетипическом уровне соотносится с Самостью, как символом совершенства, притягивающим к себе верховного бога Вотана, живущего расчетом, но не любовью, а также его Тень, карлика Альбериха, ценой отказа от любви стремящегося к власти. Главной для Р. Вагнера становится идея рождения человека нового типа, не ведающего, что значит расчет, корысть, зависть и страх. Таким героем для него является Зигфрид. Как и в трилогии Ф. де ла Мотт Фуке, он воплощает в себе архетип Самости. Однако в начало развития этого образа положен и архетип Дитя, функцией которого является победа сознательного над бессознательным и выделение индивидуального сознания, которое приносит в мир гармонию и

¹⁵ Это имя (Змеиный Глаз) не случайно и является реминисценцией, так как по скандинавским источникам Сигурд обладал выделяющим его острым взглядом, не характерным для обычных людей.

целостность. Зигфрид по отношению к Брюнхильде является Анимусом, тогда как она для него – Анимой, что делает их идеальными возлюбленными друг для друга и возвышает над остальными героями, в том числе и над богами. Хаген является Тенью Зигфрида, как и в «Песни о Нибелунгах». Важной также является символика воды (реки Рейн), которая может трактоваться как первоначальный хаос, как начало и конец всего сущего. Действительно, этот образ связывает первую и последнюю части тетралогии и является одним из ключевых в картине гибели богов (в основе которой был эсхатологический архетип).

Тем не менее, нужно отметить, что «Кольцо Нибелунга», кроме глубоко философского, имело и остросоциальный смысл, и для Р. Вагнера его образы служили прежде всего задачам критики того типа власти, который был в Германии, и ограниченной собственнической морали утилитарного буржуазного общества.

В параграфе 3.3 «Переосмысление германо-скандинавских мифологических архетипов в трагедии Ф. Геббеля «Ниbelунги» подчеркивается, что в отличие от своих предшественников, он опирался не на скандинавские источники, а на саму «Песнь о Нибелунгах». Проблемы, волновавшие его, носили скорее не общественный, а общечеловеческий характер. В образах своей трагедии он хотел раскрыть прежде всего внутренний мир и конфликты современной ему личности. Идеи, которые он стремился воплотить, были связаны с конфликтом свободы и необходимости, трагической виной героя, этическими нормами поведения и правом человека на восстановление справедливости. Кроме того, писателю была важна смена мира языческого миром христианским, которую он показал с помощью эсхатологического архетипа. Оригинальной является у Ф. Геббеля трактовка основных образов «Песни о Нибелунгах»: Зигфрида, Брюнхильды, Кримхильды и Хагена. Как и во всех предыдущих интерпретациях, образ Зигфрида соотносится с архетипом Самости, что придает ему как персонажу цельность и совершенство. Действительно, Зигфрид лишен внутренних противоречий и сомнений. Однако трактовка его поступков и смерти заметно отличается от

интерпретаций другими писателями. Одна из причин его гибели заключается в «трагической вине» героя. С одной стороны, она обусловлена проклятием клада Нибелунгов, которым завладел Зигфрид. При этом герой не осознает ее и гибнет. С другой стороны, его смерть - результат столкновения свободы и необходимости в сознании и жизни героя. Здесь вступают в силу такие понятия как «долг», «предназначение», «личная воля». Первые два находятся в противостоянии с последним понятием. Зигфрид должен был жениться на Брюнхильде, чтобы продолжить род богатырей. Их союз имел бы особое для всего мира значение. Но герой идет против судьбы, и, нарушая свое предназначение, выбирает другую стезю. В этом, как представляется, главное отличие средневекового эпоса и трагедии Ф. Геббеля. В героях просыпается индивидуальность, независимость и личная воля. Брюнхильда, следующий архетипический образ, по точному замечанию немецкого исследователя Глазера, не просто мстит за формальное оскорбление, чтобы защититься от позорного упрека. Героиню ранит то, что, во-первых, ею «пренебрегли», а, во-вторых, сделали обменной монетой для получения другой невесты. Такая мотивировка говорит не только о стремлении автора сделать произведение более реалистичным, но и о другом взгляде на человека, на женщину в XIX в. Она также имеет свою индивидуальность (а не сословную спесь), что делает ее образ по-настоящему человечески трагичным. Брюнхильда стремится к выполнению своего предназначения, которое должно было привести ее к власти над всем миром, если бы она соединила свою судьбу с Зигфридом. Возможно, смутное предчувствие этого остановило героя. В этом случае отношения этих персонажей следует отнести к ситуации вечного противостояния мужчины и женщины, к периоду матриархата и его реликтов. С другой стороны, Брюнхильда может ассоциироваться с архетипом «матери», которую ребенок, чаще всего сын, либо любит, либо пытается победить, побороть, чем навлекает на себя ее месть. Кроме того, Брюнхильда являет собой природное начало, которое, по замечаниям исследователей, было и у Зигфрида, но он предпочел ему цивилизованные (христианские) представления о мире. Это и обусловило выбор им Кримхильды как представительницы этого

мира. Образ последней был глубоко продуман. В трагедии Ф. Геббеля этот персонаж можно трактовать как героиню интровертного типа, в которой, кроме архетипа «героини-мстительности», заложен архетип Персоны (Маски). Очень интересной является и трактовка Ф. Геббелем образа проклятого золота, которое было таковым еще до того, как было проклято карликом. Как и в «Песни о Нибелунгах», центральные образы Зигфрид и Хаген воплощали оппозицию «культурный герой - тень», однако на этот раз роль Тени оценивалась положительно. Таким образом, Ф. Геббель использовал архетипы «Песни о Нибелунгах» для изображения внутреннего мира человека, а не для решения мировых философско-социальных проблем и вопросов (как, например, Р. Вагнер), поэтому его произведение психологизировано в большей степени, чем остальные интерпретации.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования. Во-первых, установлена связь между сугубо литературоведческими терминами «мотива» и «сюжета» с понятием «архетип». Выделены как вспомогательные термины «архетипический сюжет», «архетипический мотив», «сюжетный архетип». Во-вторых, выявлена мифологическая основа «Песни о Нибелунгах», рассмотрены причины разделения в произведении двух частей на архетипическом уровне. Установлено, что в основе первой части лежит архетипический блок - «мономиф». Вторая часть (после смерти Зигфрида) соответствует развитию эсхатологического архетипа. Кроме того, архетипическими стали и образы главных героев.

В немецких интерпретациях XIX в. актуализируется большинство из обнаруженных архетипических образов и мотивов, особенно ярко проявляется «мономиф» и эсхатологический архетип, а также романтическая линия, связанная с нереализованной любовью Зигфрида (Сигурда) и Брюнхильд(ы). Однако драматурги, подчиняя материал соответственно своему индивидуальному, а не общепринятому, видению, трактуют образы шире, чем это было в «Песни о Нибелунгах». Кроме того, они добавляют сюжетные линии, которые нам известны по скандинавским источникам или из мифов.

Все это говорит о том, что «Песнь о Нибелунгах» является уникальным по своей архетипической природе произведением и само по себе может считаться «мифологемой». Его образы и сюжетные линии остаются привлекательными для читателей и писателей (а в настоящее время и для кинорежиссеров) разных стран. Этим «Песнь о Нибелунгах» обязана присутствию в своем тексте имплицитно проявляющихся первообразов или первосхем, извечно присущих человеческому бессознательному.

В **первом Приложении** рассмотрены киноинтерпретации «Песни о Нибелунгах» XX в.: диалогия Ф. Ланга 1924 г. «Нибелунги» («Зигфрид», «Месть Кримхильды») и одноименная кинопостановка 1966-1967 гг. Х. Райнла. Фильм 1924 г. до сих пор сохраняет свою значимость. Это подтверждается, в частности, иллюстрациями образов (**второе Приложение**), созданных немецким кинематографистом. Они не только помогают раскрыть концепцию фильма на идейном уровне, но и увидеть, какими средствами она создавалась.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК России:

1. Бучилина Ю.Н. Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции. / Ю.Н. Бучилина // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского, №5. - Н.Новгород, 2008, с.299-303.
2. Бучилина Ю.Н. К вопросу о соотношении сюжета и мотива как структурообразующих элементов в словесном творчестве. / Ю.Н. Бучилина // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского, №2. Н.Новгород, 2009, с.236-241.

В других изданиях:

3. Бучилина Ю.Н. Архетипическая основа «Песни о Нибелунгах» / Ю.Н. Бучилина // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского, №4. - Н.Новгород, 2007, с. 183-186.
4. Бучилина Ю.Н. Мир архетипов в «Саге о Вёлсунгах» / Ю.Н. Бучилина // XI Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: Тезисы докладов. - Н.Новгород, 2007, с.134-135.

5. Бучилина Ю.Н. Героическая поэма как переходный жанр в эпоху Средневековья (на примере «Песни о Нибелунгах») / Ю.Н. Бучилина // XIX Пуришевские чтения: Переходные периоды в мировой литературе и культуре: Сборник статей и материалов. - М., 2007, с. 29-30.
6. Бучилина Ю.Н. Некоторые лингвистические аспекты исследования «Песни о Нибелунгах» / Ю.Н. Бучилина // Материалы всероссийской научно-методической конференции Марийского госпедуниверситета. – Йошкар-Ола, 2007, с. 114-117.
7. Бучилина Ю.Н. Интерпретация архетипических образов в «Песни о Нибелунгах» и «Саге о Вёлсунгах» / Ю.Н. Бучилина // Experimenta lucifera: Материалы V Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. - Н.Новгород, 2007, с.104-106.
8. Бучилина Ю.Н. Сюжет о Нибелунгах в киноверсии Фрица Ланга («Die Niebelungen: Siegfried», «Die Niebelungen: Krimhilds Rache») /Ю.Н. Бучилина // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы международной научной конференции Российского общества преподавателей русского языка и литературы. - Н.Новгород, 2008, с. 84-87.
9. Бучилина Ю.Н. Литературные архетипы «Песни о Нибелунгах» в романтической традиции /Ю.Н. Бучилина // Мир романтизма: Материалы междунар. научной конференции. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. Т. 13 (37), с. 190-194.
10. Бучилина Ю.Н. Архетипы «Песни о Нибелунгах» в киноискусстве XX в. / Ю.Н. Бучилина // XXI Пуришевские чтения: Взаимодействие литературы с другими видами искусства: Сборник статей и материалов. - М., 2009, с. 123-124.
11. Бучилина Ю.Н. Реликты германо-скандинавской мифологии в «Песни о Нибелунгах» /Ю.Н. Бучилина //Experimenta lucifera: Материалы VI Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла.- Н.Новгород, 2009, с.212-216.